

Искусство историка, или сочинение о природе историка и истории с рекомендациями, как писать историю, - общие размышления¹

Фоссий Г.Й.

Аннотация: Это – продолжение перевода книги голландского богослова, историка и филолога Г.Й. Фоссия «Искусство историка», начатого в № 23 «Vox», где дается всестороннее определение предмета истории: в третьей главе - ее внешних границ, в четвертой – ее внутренней консолидации из составляющих элементов, которые при определенных условиях могут стать внеположными. Семантическая подоплёка выражена в определении. Суть истории - не в простом описании единичных вещей, но в их словесном определении. Предмет историка – сама история, использующая методы грамматики и риторики, которые служат для расстановки акцентов в связи с конкретной ситуацией. Отличие истории от поэзии состоит в том, что поэзия всегда приукрашивает описываемое; историк же не будет рассматривать факты для угождения кому-либо, если его к этому не принуждают. Он старается не погрешить против истины. История не стремится сразу разузнать то, что перед ней предстаёт, в противоположность поэзии, предпочитая дистанцированность от события для лучшего его познания. Прослеживается история осознания субстанциальности самой истории. Особое место отводится опровержению тезиса, что историческим является только то, что легко рассказывается.

Ключевые слова: история, историка, субстанциальность (эссенциальность), грамматика, риторика, диалектика, поэтика, факт, истина, аксиома

Перевод с латыни и комментарии: Лаврентьев В.С., lavrsv4@gmail.com

Перевод выполнен по изданию: Gerardi Johanis Vossii Arshistorica sive de historiae et historices natura historiae que scribende praeceptis commentatio. Amstelodami Ex Typographie P. et J. Blaeu, prostant apud Janssonio Waesbergius a sommeren et Goethals MDCLXXXIX // G. J. Vossius. Opere. V. 4. P. 1 – 48.

Глава третья

Историка не является частью ни риторики, ни поэтики, ни грамматики. Опровержение Робортели², а также Секста Эмпирика. В чём ограниченность грамматических определений? Вторая ошибка Робортели, а также Марцеллина³ и греческих историков. Ораторам, излагающим мнение древних, разрешается привирать. Опровержение Томаса Корреа⁴ и Марцеллина. Древние приближались к настоящей истории, по крайней мере, через красноречие.

¹Продолжение. Начало см. в: Vox. Философский журнал. 2017. № 23 (vox-journal.org). Не все цитаты, как и не все произведения, упомянутые в этих главах, нам удалось найти. Работа по их поиску продолжается.

²Робортеллий (Робортелло Франческо, 1516 - 1568) - итальянский гуманист.

³Марцеллин Аммиан (330-395) - древнеримский историк и военный деятель.

⁴КорреаТомазо - португальский священник, поэт и грамматик XVI в.

Стиль «Тимея» не равнозначен подходу древних вообще. Марцеллин же не прозревает, в чём отличие поэзии от истории; действительное различие между ними. По этому же пути идёт Цезарь Скалигер⁵, различающий поэзию и историю. Мнение Кеккермана⁶ при этом не осуждается.

История нуждается в методе, мудром и постоянном. Это ещё не значит, что нужно обращаться к примеру других, чтобы создать новое искусство. Почтенный Робортеллий, исследуя возможности историки, ссылаясь на знатока права Лелия Таурелия, пишет, что историческая грамматика зачастую выдвигается в центр [исследования]. Те же суждения высказывают Асклепиад⁷ и Дионисий Галикарнасский⁸; [они таковы] как у Таурииска⁹, ученика Кратеса из Афин¹⁰, равно как и Секста Эмпирика (кн. 1 «Против математиков»), что «свидетельствует о трёх способах применения грамматики в исторических описаниях: это устойчивые грамматические сочетания, тропы (то есть специально подчеркнутые, особые случаи, [присутствующие] в языке для членения и характеристики [вещей]) и исторические [пояснения], которые состоят в истолковании этого материала, не вынося окончательных суждений».

Действительно, это положение, утверждаемое Робортеллием, вполне убедительно. И нужно различать долго- и кратковременную историю. Согласно этому представлению, смысл историки - не в построении языковых единиц, но в самом историкоописании, которое и образует её материю, субстанцию. Всё же верно, что грамматика определяет способ рассказа; и это порождает невежественные суждения, подобные тем, которые, вслед за Варроном, усматривают у Диомеда. Действительно, в этих случаях грамматика выходит на первый план, и именно это, как будто, имеет в виду Секст Эмпирик который, в свою очередь, исходя из работы Асклепиада, предполагает некую двойственность. «Напротив, сама истина может быть разных уровней: истины, заблуждения и как бы истины. Первые - те, где говорится об отдельных личностях, героях, другие истины рассказывают об отдельных эпизодах, а остальные — о самих действиях. Ложные истины [или заблуждения] - это генеалогия богов; как бы истинными являются комедии и миметические представления. Несколько дальше идёт утверждение, что, если грамматическое построение воплощается в исторический рассказ, то оно само становится предсказующим». «Из такого подхода легко вывести многочисленные следствия. Так, мы видим у Исидора, что любое историческое высказывание уже изначально грамматично» («О произношении», кн. 1, гл. 40).

Такая же позиция ясно высказана в «Грамматике» Таурииска, определённо заявляющего, что в истории никакие имена не должны рассматриваться вне

⁵ Скалигер Цезарь (Джулио Чезаределла Скало, 1484-1558) - итальянский физик и философ, автор исторических трудов. Приверженец аристотелизма. Вторую половину жизни провёл во Франции и Нидерландах.

⁶Кеккерман Бартоломей (1572-1608) - немецкий богослов и историк приверженец кальвинизма.

⁷Асклепиад Мендесский — древнеримский грамматик и богослов (I в. н. э.).

⁸Дионисий Галикарнасский (60-70 гг. до н. э.) - древнегреческий историк и ритор, автор «Римских древностей».

⁹Таурииск — древнегреческий грамматик II в. до н. э.

¹⁰Кратес (Кратет) - древнегреческий поэт, комедиограф и актёр III в. н. э.

грамматического порядка. Категоричность этого учения несколько смягчает Секст Эмпирик: грамматика – это искусство, развёртывающее себя в методе. Согласно Тауриску, история, излагаемая без упорядоченности, это лишь черновой набросок. Поэтому её дальнейшее совершенствование сложно. И грамматика является здесь важным средством. Предпочтителен при этом предположительный метод апробирования, прокладывания дороги в привходящих обстоятельствах, как это предлагает Евстафий в «Никомаховой этике». Иной путь – это экзегетика, осуществляющаяся не только в том, что написано, но и в возможных замечаниях об этом. Секст Эмпирик в целом подтверждает это, говоря, что исторический материал нуждается в грамматике как в многостороннем методе. Гораздо дальше в этом направлении идёт наступательная позиция Тауриска: критика, исходящая из естественного, – не есть грамматика, и какая-то часть её может войти в историческое повествование. Грамматическая же критика свободна по отношению к языку, в то время как душа не может постоянно повторяться и видоизменяться. По отношению к историческим замечаниям грамматика нейтральна: намного важнее осмысленная линия рассказа. Грамматика способна видоизменяться, когда по ходу рассказа ясно, к чему идёт дело. Так, историка предпосылается истории – и как завершение, и как объект, венчающий учение. В этом и заключается ошибка Робортеля, который приписывает уже древним историкам субъективный подход к грамматике, зависящий от стечения обстоятельств и выражающийся риторически, что зачастую ведёт к обману. Именно эту позицию защищает Марцеллин в своей «Жизни Фукидида».

Истина, если и есть, то, во всяком случае, не в риторической законченности. Таковая присуща истории даже без риторического акцента: исторический предмет сам по себе иной, чем риторика, и он безразличен к ней. Предмет истории – сама история, а риторика лишь расставляет акцент в связи с конкретной ситуацией. История может свободно рассказывать о пороках, в то время как для риторики необходима сила убеждения («О природе риторики»). Поэтому Цицерон без колебаний подтверждает гражданские добродетели Миорния, которые излагает в форме исторического повествования. А Милон, в свою очередь, основывается на Клодии, при этом излагая его отрывками, а также ссылается на речи Аскония («Основания красноречия», гл. 6)¹¹.

Я вовсе не собираюсь вымыслы, которые граждане сочли причиной [события], полагать ложным красноречием. Многие из правителей в древности, именовавшиеся достойными, а в эпоху схоластики – почтенными, высказывали разного рода небылицы. Туллий говорит про зевгму: «Благородно и милосердно было бы спасти жителей города, прибегнув на общем совете к обману». И можно привести ещё много соображений, что историка вовсе не связана с риторикой, как это показывает Томазо Корреа в сочинениях «О красноречии» (кн. 1), [где речь идет] о происхождении истории: история – это ряд представлений, история и не хвалит и не порицает, и нет порока, который она не упомянула бы без осуждения, она всё может обосновать. Таким образом, она является тем, что граждане принимают за достоверное и что распространяется ораторами, но она далека от того, что желали правители.

¹¹ Асконий Педиан (9 г. до н. э. – 76 г. н. э.) – древнеримский филолог, написал исчерпывающие комментарии к речам Цицерона. См. его «Комментарий к речи в защиту Милона» в переводе О. Горенштейна: *Марк Туллий Цицерон. Речи: в 2-х томах.* Т. 2. М., 1962.

Такова же ошибка Марцелина, называющего «Историю» Фукидида историей генезиса. История в целом повествует о прошлом. Убеждение и разубеждение имеют в виду будущее. Но ораторы редко занимают в таком обсуждении значительное место – только, если они приводят достоверные факты. Но при этом наиболее выразительные моменты исторических произведений отмечены красноречием. При таком подходе отрицание почти невозможно, поскольку большую часть повествования занимает восхваление. Как говорит Цицерон, «даже самый непритязательный оратор выдвигает, по меньшей мере, две позиции», идущие от Теопомпа и Эфора, и затем, как показал Исократ, они собираются в одну¹².

В «Тимее» также написано: «... если долго изучать копии вещей, то можно составить предварительную версию того, что произошло... и затем уснастить её красноречием, свойственным письменному стилю». Несколько дальше идёт определение, данное Дионисием Лонгином¹³ в [трактате] «О возвышенном: «Проповеди в “Тимее” по большей части сдержанны и надёжно защищены от любых преувеличений». Красноречие используется, в первую очередь, для того, чтобы выделить значимые места. И кое-что из истории таким способом подспудно обосновывается. Но это не значит, что подобные случаи образуют единую смысловую линию как то утверждает Робортели, согласно которому грамматика, логика, правоведение перенимают акцент проповеди, при этом красноречие в целом ничего не определяет до конца, грамматика и историка обосновываются как отдельные дисциплины. И ничто в одном, как он предполагает, не подтверждает другого: если из отдельных острословий выстроить единую линию остроумия, то можно предвосхитить вехи слова самосских патрициев («Авзония»): не нужно избегать того, что в историке тяготеет к поэтике.

Именно эту позицию защищает Марцеллин в своей «Жизни Фукидида». Тот, кто хочет понять истину, смотрит, с каких слов она начинается. Тем самым опровергается суждение Марцелина, что историческое красноречие не может само определять свою метрику. Это суждение выявляет сродство, которого Марцелин стремится избежать. История возникает как раз тогда, когда включает в себя соразмерность. Начиная с Геродота, не говоря уже о Ливии, построение метрики не связывается с определением подходов к истине. Если рассуждать о древних в целом, о роли поэзии, то к таковым может быть причислен Лукиан, можно вспомнить также книгу о поэтике Марцеллина иначе (кн. 14, 194). Некоторые важные моменты определены в первой книге «Законов» Цицерона: «что-то в истории служит законам, что-то чистой поэзии, смотря по тому, какая из них будет в данном случае приятной». Главной является нить рассказа о событиях – поэзия её лишь дополняет, рассказывая, как и могло бы или должно было бы быть; напротив, исторические действия могут развиваться по-разному, согласно определённом порядку или чему-то нежданно обнаружившемуся. Поэтическая же истина предполагает единственную линию развития: она принципиально воплощается в данном моменте; если этого нет, то нет и действия, и не может внезапно возникнуть

¹²Теопомп и Эфор - древнегреческие историки конца V в. до н. э. Исократ - знаменитый афинский оратор (436 - 338 до н. э.).

¹³Дионисий Лонгин (Псевдо-Лонгин) Условное имя, данное средневековыми переписчиками античному автору трактата «О возвышенном». Одно из первых упоминаний о нём дано у Роботтели.

никаких иных принципов. Любой порядок времён в истории последователен; в поэзии же он ограничен только тем, когда уместно возвестить о начале нового. Поэзия всегда приукрашивает описываемое; историк же не будет рассматривать факты, чтобы кому-либо угодить, если его к этому не принуждают и при этом старается не погрешить против истины. История не стремится сразу разузнать то, что перед ней предстаёт, в противоположность поэзии.

Все эти ясные различия присутствуют у Марцеллина, многочисленные примеры этого есть в его книге о предмете поэзии, ранее нами упомянутой. Там есть много утверждений со ссылками на древних, что история во многом примыкает к поэзии — и в то же время многое их разделяет: и историка и поэта образуют разные дисциплины, хотя способ представления мало отличается друг от друга. С другой стороны, историка вовсе не сводится к красноречию или к отдельным вкраплениям поэтики: она может стилистически совмещать красноречие и поэзию, но эти два плана в историческом стиле едва ли можно различить. Именно на это различие, и ранее отмечаемое многими, указывает как на врождённое основание Цезарь (Чезаре) Скалигер (Соч. Т. 1. Гл. 1), утверждая, что красноречие и грамматика понимаются уже в известном сочленении своего рода противоположных элементов, в их диалектичности ещё до осознания их истинности. «У оратора это случайность, а у поэта — последовательный ряд. В истории это различие мало когда подчёркивается, в поэзии же всё смешивается. Так, историческая истина проявляется то через это, то через другое, каждый раз выказывая своё непостоянство. И обе они действуют и в ту и другую сторону, подражая друг другу. Этим, собственно, и поверяется историческая истина. Поэтому Скалигер, в конечном счёте, обращается к поэтическому языку как пробному камню исторического (т. 3), совмещая грамматику и диалектику в едином пространстве. Действительно, при таком подходе возникает нечто третье, что не может быть сразу идентифицировано, состоящее из трёх частей: историка, красноречия и поэтики. Какую из них надо считать первой? Наконец, отринем наше суждение, что историческое произведение можно создать, лишь выстроив его строго логически. Логичность требуется для того, чтобы отдельные темы соответствовали частям исторического повествования. Для этого от собственно логики необходимо отступить, поскольку отдельные темы трактуются применительно к их исторической истинности. И вовсе не только риторика, но логика в целом должна представить взвешенный исторический стиль. Возьмём, например, выдержанную позицию Кеккермана. «Не будем отрицать совершенства разума в целом, его способности создать полезное учение в целом и выделить в нём отдельные места. Ведь истина сама по себе не предписывает логики, с помощью которой творят ораторы, поэты и историки — учение же собственно историка состоит в обнаружении конкретной связи событий. Словесно истина частично осмысливается в грамматике, полностью же — в строении предмета в целом; стилистически же ораторы, поэты и историки придерживаются законов жанра, как они их понимают. Потому не то истина, что выводится как постоянный метод расстановки событий, а то, как она трактуется в предмете. Некоторые трактуют этот порядок как последовательность рассказа, который сам по себе может быть понят как логика (пусть и вторичная). Это и есть самый благородный способ создания истории. Здесь надо исходить из того, что помимо стиля как основы метода, сюда включается много

разного, что мало можно выстроить логически; и что нельзя заранее обойти как возможный [предположительный] вид искусства и заранее ограничить его, создавая предпосылки, которым можно доверять.

Глава четвёртая

История это, собственно, искусство, а не наука. Её представление. Определение истории. Общее опровержение учений, которые выводят историю из простого рассказа. Геллий, Бозций и другие, совершающие подобную ошибку, верят в прямое действие силлогизма. Двойственность этой логики. Плохая история, написанная Себастианом Маккио¹⁴, тоже причисляется к искусству. Определение истории Кеккерманом приносит желаемое равновесие. Объективная история. Смысл, который подразумевает Аристотель, – единственный смысл, но сверх того есть разум и всеобщность. Из этой неразличенности попутно возникла теория Аверроэса о [способе] проведения воли Господней. - Понятие аксиомы. Основные установления. Логика непрерывности [бесконечной связи элементов] показана Дионисием Галикарнасским. Предосудительна ошибка, что эти частные связи уже образуют историю как искусство. Сходна с этим ошибка Патрици, выносящего за пределы истории то, что не относится к деяниям человеческим. - Другие древние преподносили свои душевные изъяснения как исторические картины. История как глашатай божественного правления. Аверроэс опровергает, Дзабарелла защищает. – Опровержение того, что историка может говорить только о материальных вещах. Провозглашение истинной формы, а эту заботу о форме греки называют «энтелехия». Таинство рождения в урочное время жрицы Изиды. Латиняне же выступают против него как обряда. Посвящённость или утверждение его. Природа исторического предмета в способе его расширения. Поэтому: предопределяет ли конкретный стиль форму истории? Маккио опровергает именно это.

Как ясно из сказанного, история есть предмет, определяемый извне. То же, что изначально определяется как историка, соприкасаясь, взаимно поддерживает друг друга. Историка не слепа, она непременно становится искусством, определяемым как изучение истории. Чтобы определить историю как предмет, необходимо определить пространство её собственного распространения: то, что заимствовано историкой, от природы неизбежно вплетается в собственно историю. То, что для историка не скрыто, неизбежно входит в исторический предмет (историкоописание) и закладывается в его основу. Здесь ничего не предвещает благоприятного исхода. Но то, что прямо следует из её происхождения, определяется как её постоянная возможность, искусство историка, чья энергия прослеживается логически, как идущая от природы, сопутствует ему. Научная истина — не то, что остаётся в итоге процесса, как нечто объективное. Именно историка наделяется постоянством, позволяющим собирать отдельные капли в единый поток, согласно природе логики. Но именно историка

¹⁴Маккио Себастиан - итальянский писатель и историк XVI в.

намечает то, что соединяется в истории - и истина относится здесь к науке в целом, а не к отдельным её операциям, как это следует из третьей книги «Метафизики» Аристотеля¹⁵. Таким образом, историка контингентна, т. е. каждый отдельный элемент связывается в ней с соседним, в силу чего её замечания производны – так же, как и человеческие деяния, которые воспроизводятся в исторической памяти. Наука же необходима в своём предмете, по определению: ещё Дунс Скот утверждал, что разумное определение необходимо, поскольку оно вытекает из очевидных причин (Соч. Кн 1. «Вопросы о суждениях» 4 и 5) и затем познаётся интеллектом.

Историка, таким образом, - искусство, а не наука, созидание истины как исключительной выказывает искусство. Таковы предпосылки историоописания.. Очевидно, ведущим здесь является исторический стиль. Действительно, предисловие к «Государству» Светония гласит: «Берём за основу равномерное движение предметов, которые легко сопрягаются с любым материалом, будучи утонченными и в то же время постоянными, которые, лишь касаясь, легко присоединяются к уже достигнутому по соглашению, которому доверяют, и готовы в каждый момент поддержать любые предположения автора; они [авторы] могут описать все предположения и случайности, открывающиеся во временном развёртывании, а также представить причины, обсудить позиции, отдельные события и всё происходящее в целом ко всеобщему рассмотрению, и это должно быть проделано авторами, отвлекающими свои душевные силы для служения частным целям, поводом для которых может быть только удовольствие». От историки перейдем к истории. Наиболее непротиворечивым определением является: [история - это] осознание отдельных воспоминаний, сохраняемых благим разумом. Они определяются как итог трёх этапов: происхождения, целостного объекта и итога. Рассмотрим их поочерёдно.

Определим сначала первое — происхождение: оно отмечается или осознаётся и не может быть заменено выкладками, рассказами и памятливыми записками. История - это концентрированная сущность (*essentia*) [события], где рассказ понятен сам по себе. Так, Цицерон называет историю «рассказом о [действительно] произошедшем», но о том из него, что осознано. У Брута же есть выказывание: «Никто ещё полностью не вспомнил, что происходило у римлян».

Это подразумевает, что происходящее как-то выражается вовне и тщательно обозревается - именно в этом заключается движение истории: если что-то уже произошло, то есть, о чём рассказать, а из такого рассказа на следующем этапе может

¹⁵ В кн. 3 «Метафизики» Аристотель ставит вопросы о том, рассматривает ли одна наука все сущности и причины или несколько наук, а также является ли начало чем-то общим или начала, как начала, подобны единичным вещам, существуют ли они соответственно в возможности или в действительности, т.е. ставятся вопросы о том, чем и в чем является общее. (В Комментариях к Порфирию Боэций 9 веков спустя повторил и вслед за Аристотелем, и вслед за Порфирием эти вопросы и затруднения, возникающие при попытке ответить на них). Не менее трудный вопрос, состоит ли вещь из нескольких начал или из одного, может ли составлять нечто одно предшествующее и последующее. Такие вопросы, очевидно, не об истории, но они выявляют определенную методологию, что и интересует Фоссия уже не просто как историка, а как философа, который ставит проблему начал, которые представлены у него в историке как науке, задающей принципы истории. В третьей книге «Метафизики» Аристотель не ответил на вопрос, относится ли истина к науке в целом, а не к отдельным ее частям. Этим он занят в кн. 4, где исследуются начала и высшие причины «чего-то самосущного» (1003 а 25). — *Прим. ред.*

сложиться история. Как история выводится из рассказа, - сознательным собиранием или представлением воспоминаний - об этом говорил Гелию Веррий (Соч. Т. 5, гл. 18), Квинтилиан (Соч. Т. 2, гл. 4)¹⁶. Также у Блаженного Августина (Соч. Т. 2. Против манихеев. Гл. 2) разбирается происхождение одной ошибки из другой у тех, кто выводит силлогизм непосредственно из ораторской речи; таковы и Геллий (Соч. Т. 15. Гл. 26)¹⁷, и Боэций (переводы из Аристотеля¹⁸), и другие римские авторы. Силлогизм ведь закрепляет только одно душевное усилие: то, что происходит сейчас, то и высказывается. Философы же, ведя речь о логосе, подразумевают не возглашение или красноречие как таковое, но обозрение целого или направление разговора (Аристотель. Аналитика¹⁹). Позицию Аристотеля здесь верно изложил Франциск Бурана²⁰, а также Иоанн Баптист Монлорий²¹ и Фортунат Креллий²².

Иной взгляд на предмет истории вводит непреклонный Себастиан Маккио. Полагая невозможным определение истории как искусства в кн. 31, гл. 12 своего труда «Об истории» [он писал]: история не есть чистое изложение свершившегося, и это означает, что история не является историей, если не рассказывается. И нельзя говорить о её создании, [если о ней только] рассказ, он присоединяется к уже свершившемуся [факту]. История действительно нечто свершающееся: она либо рассказывается, либо нет. Но в любом случае является историей. Рассказ же действительно примыкает к истории, является её свойством, но он примыкает к ней извне и, находясь внутри, является для неё чуждым. Тем самым Маккио не готов подтвердить, что история следует по пути искусства. История для него не является универсалией и не может быть единым свершением. Здесь Маккио некорректно использует высказывания аристотеликов, в действительности употребляя определение искусства, данное в

¹⁶Квинтилиан Марк Фабий (35 - 96) - древнеримский ритор.

¹⁷ Скорее всего, из: *Codex Leidensis Vossia maior F.7*, XIV в.

¹⁸ В современной литературе см., например: *Ammonius. On Aristotle On Interpretation. 9; Boethius. On Aristotle On Interpretation. 9* / Transl. David Blank, Norman Kretzmann. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1996. P. 112. См. также: *Боэций. Комментарий к «Категориям» Аристотеля* // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского средневековья. Т. 1. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001. С. 120 – 160.

¹⁹ Так, в гл. 1 «Первой аналитики» (24b 25–30) Аристотель говорит, что выражения «одно целиком содержится в другом» синонимично выражению «другое сказывается обо всем. А «[одно]» сказывается обо всем [другом] мы говорим, когда не может быть найдено что-либо из того, что принадлежит подлежащему, о чем другое не высказывалось бы». В гл. 3 «Второй аналитики» (72b 25–30) речь идет о способах наведения, какими знание указывает на нужное доказательство, во избежании доказательств по кругу.

²⁰Бурана Франциск — профессор математики в Болонье. См.: Title, Priora analytica. Authors, Aristoteles, Johannes Franciscus Burana. Published, 1545. Original from, the Bavarian State Library. Digitized, May 21, 2010. Export Citation, BiBTeX End Note Ref Man.

²¹Монлорий Иоанн Батист (Хуан Батист) - испанский священник и доктор богословия сер. XVI в. Относится к аристотеликам позднеалександрийской школы. Родился в Валенсии, учился в Валенсийском университете и получил там степень доктора богословия. Писал стихи на латыни, греческом и еврейском. Основные произведения: *Oratio in commendationem Dialecticae, habita in Universitate Valentina Kal. Septembris 1567; Paraphrasis et scholiorum* [?] *in duos libros priores analyticorum Aristotelis a graeco sermone in latinum a se conversorum* (Valencia, 1569), *De nomine Entelechia apud Aristotelem. Quaestio unica* (Valencia, 1569); *De universis copiosa disputatio, in qua praecipue docetur, univ[er]sa in rebus constare sive mentis opera* (Valencia, 1569), *Oratio de utilitate Analyseos seu ratiocinationis Aristotelae* [?]: *et Philosopho veritatem potius esse amplectendam, quam personarum delectum habendum* (Francfort, 1591).

²²Креллий Фортунат (ум. 1605) - немецкий математик и богослов, преподавал физику в университетах Нойштадта на Хардте (1578-1586) и философию в Гейдельберге (1587-1590).

«Никомаховой этике» (кн. 4. Гл 6)²³. Но посмотрим, какое заключение он из этого делает и как соотносится с этим суждение Маккио («Об истории». Кн. 3. Гл. 10). «Возникновение искусства содержит в себе нечто, помимо чувственного: в нём самом уже содержится воспоминание и апробируется множество воспоминаний. Таким образом, составляется картина мира и главные искусства и знания. Поэтому любые сочетания остаются единичными, и только искусство осмысливает их в целом. В этом состоит [деятельность] разума, который превращает историю в искусство. Отсюда становятся ясны и отдельные моменты в рассказывании, чьё происхождение прослеживается в истории». Не является ли такое представление исторической истины, по меньшей мере, нелепым, поскольку здесь утверждается, что истории суждено быть складом отдельных удачно и хитроумно представленных рассказов? Ведь не может стать искусством то, что испробуется в каждом отдельном случае строгим научным методом, собственно и дающим этот конкретный результат. Если его достаточно, то вовсе не нужно приводить совокупность причин: ведь их сопоставление – уже дело искусства [истолкования]? Итак, Маккио отрицает эссенциальность истории во имя собственно рассказывания, и из этих рассказов составляются художественные полотна воспоминаний. То есть, если не ходить вокруг да около, то главное в истории – слово, превращаемое метонимически. Так, пишет он в своей книге «Об истории» (т. 3, гл 13), «в историческое изложение не попадает ничего, привходящего извне, но естественный ход событий, который идет сам по себе, обнаруживает его истинность. Качества событий связываются не только как первостепенные и сохраняются не только как просто осознанные, как отвергаемые, но как изыскывающие свою естественность. Если же они добавляются, то как привходящие, не идущие изнутри. Именно в этом виде они могут быть сообщены как необходимые и выделены как особые части». Что здесь не очевидно, что опровергается в таком представлении истории? Привходящие обстоятельства в истории – как литературное дополнение, возвещающее битву за тот предмет, который может состояться как история, и потому может быть рассказан. Таким образом, не признаётся, что история создаёт отдельные произведения на основе истории как памятники. И таким же образом, то, что в историке говорится, в истории записывается. Но из этого следует уже отмеченное выше: история первая возвещает об особенностях происходящего, а имена в произведениях, составляющих историю, просто переходят из одного в другое. Таким же образом, в любом искусстве и в науке исходное – это движения души, высказанные ею. Вторичное же – как это трактуется в учениях в соответствии с основными свойствами мышления. Но это не значит, что предмет исторического произведения состоит в литературном запечатлении. Разве не видно, что при этом отвергаются собственно исторические высказывания, приравняваемые к общему литературному изложению? В основах предметности это не умаляет того, что не только совершенство формы содержится в представлении движений душ, но то, что

²³Определение искусства дано в «Никомаховой этике» в книге главе 4 книги 6: «... искусство... – это некий причастный истинному суждению склад [души], предполагающий творчество, а неискусность в противоположность ему есть склад [души], предполагающий творчество, но причастный ложному суждению» (Аристотель. Никомахова этика / Перев. с древнегреч. Н.В. Брагинской. // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 80. – Прим. ред.).

связано с благом человека и передаётся письменно. Поэтому наиболее надёжным в определении истории являются признаки отдельных вещей. Именно это утверждает Бартоломей Кеккерман. Но при этом мне всё же хотелось бы отметить не только целостное происхождение самой природы исторического, но и то, что её сопровождает. Правильно сначала выделить, что представляется основными принципами, а потом подразделить их так, чтобы они отвечали отдельным проявлениям души, могущим быть отнесёнными к истории и быть запечатлёнными в литературных памятниках. И уже при описании отдельных событий историки обращаются к жизнеописаниям как положительному примеру.

Именно это говорит Маккио - что неверно представлять единичное то как вовсе отдельное, то как естественное, относящееся к общему ходу событий, что неприемлемо в суждениях о достойных людях. История запечатлевает то, что осмыслено душою, и в этом случае все подобные замечания будут естественны, поскольку вещи лучше постигаются как единичные, и они сами выявляют себя ещё до того, как о них напишут. Это и есть настоящее историческое выражение, и вовсе не нужно что-либо предпринимать, чтобы решить соотношение единого и частного и проследить историю как цепь метонимий. В происхождении истории всё же заложена субстанциальная основа - продолжим её рассмотрение. Можно обратиться к «Поэтике» Аристотеля, где определено положение истории относительно поэзии: необходимо различить исторические и поэтические высказывания, у первых отдельные случаи всеобщего оборачиваются единичными²⁴. Вот его слова: «Поэзия располагает события равномерно. Для истории же важен каждый отдельный случай»²⁵. То, что поэзия обращается к всеобщему, Аристотель обосновывает следующим образом: поскольку поэты владеют речью в целом, то развёртывание фабулы распределяет имена и обстоятельства так, как будто они сами по себе отдельны и объединяются только поэзией, в истории же кроме того это высказывается в противопоставлениях, которые мыслятся как единичное, или же они выглядят как ошибка в осознании всеобщего. И не будет преувеличением заключить, что история определяется не только осознанием, но и ощущениями. Хорошо известно высказывание Аристотеля (Физика, ч. 1, 48), что разум имеет всеобщий характер, восприятие же индивидуально. Действительно, почему бы не заключить, что восприятие индивидуально, а истолкование всеобще - мало того, эта целостность мыслится как индивидуальная. Итак, почему бы не вообразить себе отдельный разум, столь достойный, что он может представить свою природу как нечто отдельное и тогда он мыслит не отдельностями, но выходит на всеобщий уровень? В этом и заключается сила разума, которая, согласно Аверроэсу, выводит его на божественный уровень и воспринимает не

²⁴Ср.: «9. ... Поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном» (*Аристотель. Поэтика* / Перев. с древнегреч. М.Л. Гаспарова // *Аристотель. Соч.*: в 4-х т. Т. 4. С. 655. - *Прим. ред.*).

²⁵Ср.: «23. Относительно же поэзии подражательной и подражающей посредством метра очевидно следующее: сказания о ней следует складывать драматичные – вокруг одного действия, целого и законченного... подобно единому и целому живому существу; и они не должны походить на обычные истории, в которых приходится описывать не единое действие, а единое время и все в нем приключившееся с одним или со многими, хотя бы меж собою это было... лишь случайно... так и в смене времени иногда случается одно за другим без всякой единой цели» (*Аристотель. Поэтика*. С. 672-673. - *Прим. ред.*).

единичное, но целое, мировую гармонию. Значит, суть истории – не в единичном, но в её словесном определении. С другой стороны история как словесность пользуется грамматическим искусством. История представляет единичное, используя уместный в данном случае порядок слов. Искусство выстраивать из отдельных слов нечто последовательное и есть историческое искусство, которое воплощается в методе. Правила искусства господствуют над ним, используя при этом особенности доступного языка. Варрон пишет в кн. 7 своих сочинений: «Имеется два принципиально важных наклонения языка: именительное и условное; первое — как источник, второе — как ручей. Первое может лишь назвать имена, которые могут быть изучены, второе включает всё множество превращений, которые могут быть подразделены в данном сочинении. Первостепенно всё же происхождение. *Историческое* произведение - не то, что непосредственно приходит или прибавляется нами, но то, что продолжает некое исходное, и в этом состоит искусство краткого изложения предпосылок. В силу этого история не просто словоговорение, а изложение происходящего как отдельных моментов. Так же верно, что предметом истории являются отдельные вещи - не в смысле отдельных как индивидуальных, которые непременно должны быть представлены в истории как таковые, но те, которые остались в памяти, чтобы отметить заранее предполагаемый предварительный ответ. Впрочем, определение истории, обычно приписываемое Дионисию Галикарнасскому, звучит как «...выделение логики заранее данных предложений». Близко к этому необычное определение Энрико Стефано²⁶, который больше склоняется к *аксиоме*. Потому для меня нет необходимости критиковать всё и вся, что написано на этот счёт, чтобы ненароком не задеть кого-нибудь напрасно. Подобным образом можно представить исходную материю для истории. Появление ангелов, превращения душ, разного рода кометы, необычные явления, грозы, волшебства и вообще всё необычное среди животных и растений - всё то, что греки называют *практикой*, обстоятельств в целом – всё это относится к единичному, согласно «Метафизике» Аристотеля (кн. 1, гл. 2) и Никомаховой этике (кн. 2, гл. 7)²⁷. Для правильного описания происходящего надо различать описания, как общественные и частные. Если что-то в историческом целом отвергается, то можно привести чистосердечное свидетельство из области, находящейся вне её, как истины здесь и сейчас, если это действительно значимо и соответствует тем или иным реалиям человеческой жизни, происхождению чего-либо, конкретным правлениям, завоеваниям или религиозным сообществам.

Франческо Патрици предполагает, что есть нечто достойное быть внесенным в историю в её окончательном варианте. Но такой предел должен быть обозначен не в качестве некоего повеления, но в запечатлении, достойном воспоминания, будь то действия отдельных людей или события, с ними связанные. Вообще многое, что могло бы быть представлено в истории, не находит того фактического подтверждения, каким оно могло бы и должно было бы быть. В истории представлено много всякой всячины -

²⁶ Стефано Энрико (Анри Этьен) (1531- 1598) — французский протестант, издатель и переводчик с древнегреческого на латынь.

²⁷ См., например: *Аристотель*. Метафизика. Кн. 3, 1 (995b25–996b 15) // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 100; *Аристотель*. Никомахова этика. Кн. 6, 6 (1141b 17) // *Аристотель*. Соч. в 4-х т. Т. 4. С. 180. Ссылки Фоссия здесь не точны. - *Прим. ред.*

действия, произведённые в историческом пространстве, сохраняются точно так же, как и то, что исходит от демонов; да и ангелы парят над всем происходящим. Проницательны слова Фотия²⁸, пересказывающего Дамасция²⁹, то место, где он излагает идущих друг за другом два недостоверных рассказа: первый о демонах (в 52 письме), которые всех пугают, и другой - о душах, [о которых думает] в ожидании кончины (в 53 письме) (Фотий. Обсуждение. С. 130). Так же и Евстрат, известный церковный проповедник³⁰, много рассказывает о повседневной жизни души - и эти сведения также содержатся в библиотеке Фотия (там же. С. 179, 180). Интересен и Лаврентий Филадельфийский (Лидийский)³¹, особенно книги о небесных явлениях, весьма многочисленных. Из латинян весьма интересен Юлий Обсеквент³². Под каким бескрайним небом могут происходить все эти поразительные события, какое правосудие может быть в разверзшихся землях и затопленных городах, поражённых чумой?

С другой стороны, часто бывает так, что Господь покровительствует тем, кто сам ничего не совершает. Во многих государствах происходят ужасные вещи, и, если положение меняется к лучшему, в этом видят руку Божию. Действительно, Провидение близко к тому, что вырисовывается во всеобщей истории - и в этом видят Божественный промысел, творимый Господом. Так, блаж. Августин в сочинении «Верую» пишет: «Провидение Господне как бы и лично, но и для рода человеческого всеобщее. Господь знает об индивидуальном и всеобщем и их соотношении. Что касается второго, порукой тому – произведения историков и прорицания пророков».

Так, он пишет о третьей книге Бытия, что события вспоминаются или как божественные, или как человеческие. Поэтому нельзя согласиться с Франческо Патрици, убежденным, что происходящее в истории – только человеческое. Не меньшей ошибкой является мнение, что история зависит от грамматики, понятой как описание порядка действий (Фома Благой³³. Об истории. Кн. 1). В чём здесь заключается ошибка? История ведь - не пустое пространство для развёртывания неопределённого содержания, которым её наполняют, но прежде всего это - законченный стиль. Историческая истина заключена не в словах как таковых, но в истолковании целого; общее же пространство истории достигается в проговаривании отдельных воспоминаний о происшедшем – только при таких исходных условиях можно как-то доверять исторической объективности.

Поскольку эта истина заключена в определённую форму, любое заблуждение в ней всегда локализовано (связанное привходящими обстоятельствами). Если речь идёт обо всём народе, то это понятно без особых пояснений – об этом свидетельствуют древние авторы. Разумеется, с другой стороны, есть множество примеров, когда само

²⁸Фотий I (Великий) (810-893) - константинопольский патриарх в 858- 867 и в 877-886 гг. Его *Themata* - общее обсуждение им мировой истории в посланиях к наследнику византийского престола Льву.

²⁹Дамасций — последний глава школы неоплатоников в Афинах (460-538), закрытой Юстинианом.

³⁰Евстрат (1050-1120) епископ Никеи, комментатор произведений Аристотеля.

³¹Иоанн Лаврентий из Филадельфии в Лидии (490 - ?) византийский писатель.

³²Юлий Обсеквент (IV в. н. э.) древнеримский писатель. Автор книги «О чудесных явлениях».

³³ Мы не нашли ссылок ни на этого писателя, ни на эту работу. Возможно, речь идет о Фоме Аквинском.

происходящее субстанцируется и становится формой, размечающей пространство и обозначающей тем самым определенные обстоятельства. Именно поэтому важный момент истины состоит в определении понятия субстанции: так, при определении телесности животных, если в сообщество их объединяет чувствование, то при определении человека как живого существа всё определяется с позиций разума, и это сущностные формы для человека и любого живого существа. В то же время эти различия постоянны, и в конкретных случаях форма может быть первичной, а материя – ее субъектом, что и утверждает Аверроэс (кн. 32, послесловие³⁴). Можно догадаться, что истоком здесь служит Аверроэс. Известно, что Аверроэс был вдохновителем Дзабареллы, хотя тот об этом нигде не упоминает («[Учение] о методе». Кн. 4. Гл. 14). В известной мере верно то, что говорит Дзабарелла: субъективное можно определить как отдельный случай, а не суть целого. Исходя из этого предположения, он говорит уже о совсем ином: есть некая общая истина, которая может субъективно выглядеть по-разному в отдельных случаях, – не только как сущность, усмотренная извне, но как сумма отношений. Субъективные же акциденции определяются Аристотелем в конце книги 1 (гл. 6) и книги 2 (гл. 10) его [«Второй»] Аналитики и в конце книги 6 (гл. 4) «Метафизики» как эссенциальные³⁵. Было бы естественно предположить, что Дзабарелла в своём «Учении о методе» (кн. 4, гл. 14) будет определять акциденции, исходя из постоянства соотношения материи и формы, как полное выявление и воплощение их сущности и полное проявление того, что заложено в их происхождении как условие их определения. Из этого можно лишь заключить, что субъект в этом случае наделяется качествами, непосредственно идущими от объекта. За акциденции принимаются внешние события: извержение грома, затмения и так далее, в которых должны проявляться объективные свойства.

Таким образом, складываются материя и форма истории, и эти понятия в истории рассматриваются согласно душевному укладу. С другой стороны, во все времена считалось правильным то, что представлено и изложено чётко и упорядоченно. На это уже давно указывали знаменитые историки во многих своих произведениях – Фукидид и Ливий. Обычно говорится, что вещи, о которых идёт речь, являются «материей», формой же – «проговариваются». У Фукидида о такой «материи событий» говорится в «Пелопонесской войне», у Ливия – это цепь событий, свершающихся в Риме. Характер стиля здесь означает форму [того, как и что упоминать]. Впрочем, по сбору налогов едва ли можно судить о благе народа, и, как бы ни скрывалась истина, мудрее будет не просто выносить суждения, но [выносить суждения] так, чтобы она была красноречивой. Так, Цезарь согласился бы со

³⁴ Возможно, речь идет об «Опровержении опровержения, послесловие к гл. 39 и 42.

³⁵ В указанных книгах и главах «Второй аналитики» Аристотеля речь идет 1) о том, что акцидентальное, или «привходящее не есть необходимое» (75a 31), 2) об определении, силлогизме и доказательстве, касающихся сути вещи. Размышляя о сущем в смысле истины, о сущем в смысле истины акцидентального, или привходящего, и о случае, как таковом, Аристотель полагает, что с первым «дело обстоит одинаково всегда и по необходимости», с другим – «не по необходимости и не всегда, а большей частью» (1026b 25 – 30). Случайное же он называет «привходящим образом сущим» (1027a10). Для него очевидно, «что имеются начала и причины, возникающие и уничтожающиеся без [необходимого] возникновения и уничтожения» (1027a 30). В качестве примера он приводит прошлое, или происшедшее, которое, в качестве прошлого, «в чем-то наличествует» (1027b 7). Все это находится в природе сущего. См.: *Аристотель. Метафизика*. Кн. 6. Гл. 2–4. С. 182–186. Ссылка Фоссия здесь не точна. – *Прим. ред.*

Скалигером, что в данном случае все поступающие сведения лучше проговорить и найти сущностную форму для происходящего («О поэзии». Кн. 2, гл. 1 и кн. 3, гл. 1). Действительно, я перечисляю достойных мужей не для того, чтобы лично затронуть кого-либо. Дело ведь не в словах, но в совокупности имён, представленных историкой и образующих историческую последовательность. Таковой действительно является форма, которая становится событием, и в этом свершении находит себя, и только тогда обретает своё настоящее имя. То, как в языке выражается происходящее, – это философское действие, данное в книгах по толкованию (*эрменея*), где событие полностью воплощается в слове, т. е. то, что излагалось в кн. 2 «О поэзии»: движение внутри пространства, называемое «поэтической физикой», где разум ещё не провёл определение (тематизацию) содержания – того, что у греков называлось *энтелехией* — и в дальнейшем обретает законченность и полноту содержания. Это речь, доводящая форму (*телос*) до совершенства, поскольку она, как показывает Ермолай Барбарус, обозначает законченность происходящего: для этого древние греки поклонялись Церере и Вакху и следовали их таинствам, называемым своевременным свершением, поскольку совершенство обряда соответствует совершенству жизни. У латинян это священнодействие, напротив, означает «вовлечение», мимическую сцену как первый шаг жизненного пути, который позже припомнится и смысл которого в том, что он освящает веру в то, что всё будет хорошо.

Поэтому можно согласиться с тем, что этим формам можно следовать как данным извне, в них действительно проявляется не то, что публично возвещается и элегантно излагается, это не красноречие, направляющее на ложный путь, и не поэтические тропы, употребленные для того, чтобы другие поверили в сказанное, но передача подробностей, каждая из которых примечательна. Да, красочное изложение делает речь связной сама по себе; нельзя отрицать, что красивая проповедь прекрасно подтверждает исходную истину или развитие красноречия приближает нас к важным основаниям. Сейчас модно говорить о его направленности: найти с помощью искусства слово (Скалигер. Кн. 6. Гл. 5). Элегантность лишь сопровождает детализацию исторической формы. Здесь очевидна ошибка Себастиана Маккио («Об истории». Кн. 3. Гл. 13), что ничто из эссенциального не воплощается в исторических определениях, что, по его мнению, припоминание само по себе воссоздаёт целокупную событийность, которая проявляется в совершенном литературном языке, которая благословенна в своём благоверии и к тому же элегантна. Не о таком ли блестящем уме говорил Гермоген³⁶ («Об идеях». Кн. 1. Гл. 9) как о возвышающемся над риторикой, что история много теряет от отсутствия комментариев, поскольку они связывают отдельные имена; иначе же, как это случилось у Маккио, «...история будет единым потоком, без украшений, не велеречивой, но естественной, она сама будет включать в себя попутные элементы, которые в повседневности не могут казаться отделенными [от нее]». И тогда ничто не сможет удержать в памяти самое великолепное воспоминание в его законченном виде, если, придерживаясь истины, оно не будет отличать смешное от разумного.

Литература

36 Гермоген. Древнегреческий философ V-IV вв. до н. э., собеседник Платона

Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. – С. 63 - 367.

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1976. – С. 53 - 293.

Аристотель. Поэтика // Аристотель. Соч.: в 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1976. – С. 645 – 680.

Геродот. История. М.: Аст, 2006. – 671 с.

Лукиан из Самосаты. Как следует писать историю / Пер. С.В.Толстой // Лукиан. Соч.: в 2-х т. Т.1. Кн. 13. СПб., 2001.

Неретина С.С. Пауза созерцания. История: архаисты и новаторы. М.: Голос, 2018. – 512 с.

Niceron J.P. Memoires pour servir de l'histoire des hommes illustres. v. XIII Paris 1730.

Rademaker C.S.M. Life and work Gerardus Johannes Vossius (1577-1649) Assen. 1981.

Vossius Gerhard Johannes. Allgemeine Deutsche Biographie. 40. Leipzig 1896, S. 367-370.

References

Aristotle, *Metafizika*, in: *Soch.: in 4 v. [Collected works in 4 vol.]*. vol. 1, Moscow, Misl' Publ., p. 63 – 367. (In Russian).

Aristotle, *Nikomahovaetika*, in: *Soch.: in 4 v. [Collected works in 4 vol.]*. vol. 4, Moscow, Misl' Publ., 1976, p. 53 – 293. (In Russian).

Aristotle, *Poetica*, in: *Soch.: in 4 vol. [Collected works in 4 vol.]*. vol. 1, Moscow, Misl' Publ., 1976, p. 645 – 680. (In Russian).

Herodotus, *Istoria* [History] Moscow, Ast Publ., 2006, 671 p.

Lucian of Samosata, *Kak sleduet pisat' istoriyu* [*How to Write History*], translated by S.B.Tolstaya. In: *Lukian. [Collected works in 2 vol.]* St. Petersburg Publ., 2001. (In Russian).

Neretina, S.S., *Pausa sozercaniya. Istoria: arhaisti I novatori* [Pause of intuition. History: archaists and pioneers], Moscow: Golos Publ., 2018, 512 p.

Niceron J.P. Memoires pour servir de l'histoire des homes illustres. v. XIII Paris 1730.

Rademaker C.S.M. Life and work Gerardus Johannes Vossius (1577-1649). Assen. 1981.

Vossius Gerardus Johannes. *Allgemeine Deutsche Biographie*. 40. Leipzig 1896, S. 367-370.

**Ars historica sive de historiae et historices
natura historia que scribende praeceptis
commentatio**

Gerardi Johanis Vossii

Abstract: This is the continuation of the translation of the book of the Dutch theologian, historian and philologist G.Y. Fossia "The Art of Historians", started in No. 23 "Vox", which provides a comprehensive definition of the subject of history: the third chapter - its external borders, the fourth - its internal consolidation of the constituent elements, which under certain conditions can become extraneous. The semantic background is expressed in the definition. The essence of history is not in the simple description of individual things, but in their verbal definition. The subject of historians is history itself, using grammar and rhetoric methods that serve to place emphasis in relation to a specific situation. The difference between history and poetry is that poetry always embellishes the described; the historian will not consider the facts to please someone unless he is coerced into doing so. He tries not to sin against the truth. History does not seek immediately to find out what is before it, in contrast to poetry, preferring distancing from an event for better knowledge of it. The history of awareness of the substantiality of history itself is traced. A special place is given to refuting the thesis that only something that is easily told is historical.

Key words: history, historian, substantiality (essentiality), grammar, rhetoric, dialectics, poetics, fact, truth, axiom.